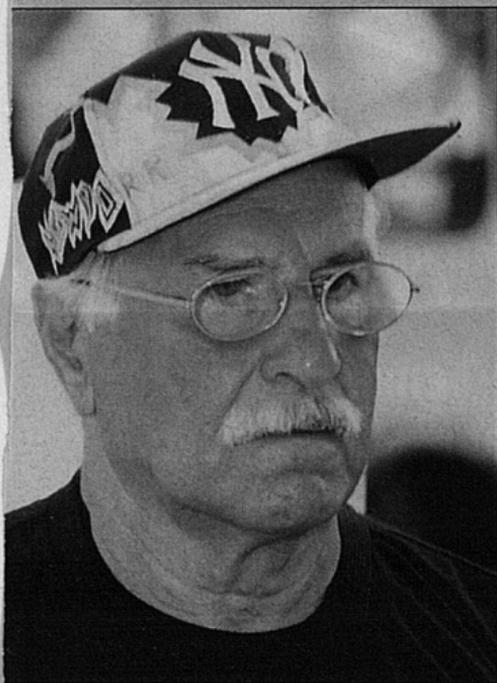

валерийское училище, ходил на ма-неж в школу верховой езды на улице Воровского. И там оказался в компа-нии Васи Сталина, сыновей Микояна. Мы проходили рубку, тажировку, бра-ли препятствия. Я имею диплом воро-шиловского всадника... Это мне при-годилось в "Свинарке и пастухе".

ТАЛАНТ

— Это труд. Ромм сказал, что ар-тист — это 95 процентов труда и 5 процентов таланта. Но талант — это и божий дар, конечно. Плюс терпение, упорство, целеустремленность. Вот Эмиль Гилельс записывал фонограм-му концерта Листа для "Сказания о зе-мле Сибирской". Я там играл пианиста и должен был изучить весь ритмиче-ский рисунок. Я был на этой записи, ко-гда дирижировал великий Голованов... Это событие! Я сидел и слушал. Гилельс играл, переигрывал снова и снова...

Геннадий АБРАМЧЕНКО

"Как и Василий Сталин, я — ворошиловский всадник. И еще очень даже могу..."

ТАНЦЫ

— Для меня была настоящая трагедия, когда в 12 лет я не посту-пил в хореографическое училище Большого театра. Мой папа категори-чески не хотел. И он сделал все, что-бы я не поступил.

Я вообще очень хорошо двига-юсь — рос в музыкальной семье, и му-зыка у меня в крови... И меня брали в училище. Но сказали: мы вас возь-мем, но вы будете плестись в хво-сте, потому что у вас плохое сердце. И для меня это было трагедией.

А среди балетных у меня есть боль-шие друзья — Мария Тимофеевна Се-менова, Майя Плисецкая, Катя Макси-мова, Володя Васильев. В Большой те-атр я хожу с 35-го года. Еще Смальцо-

ва видел, Кандаурову, Сережу Корень — был такой характерный танцовщик из Ленинграда. И то, что сейчас происхо-дит в Большом, возмутительно. С таки-ми людьми, как Васильев, Светланов, так поступать нельзя. Володе даже не предложили возглавить балетную труп-пу. Как так можно? А он сейчас нара-схват — по всему миру гастролирует.

СОБАКА

— Павлов сказал: собака выве-ла человека в люди. Я согласен. Я обожаю животных. Мой "дворянин" Борис Николаевич, который с нами уже десять лет, — первое лицо в до-ме. Самые вкусные куски — ему. Я с ним гуляю и утром, и вечером по пол-тора-два часа. Мы его избаловали — он чувствует, что он главный. И все се-бе позволяет — лежать на диване, на кровати... Вот такие мы с женой.

СУДЬБА

— Я человек суеверный. Верю в судьбу. От предначертанного нику-да не уйдешь. У меня судьба не то что... счастливая, но, во всяком слу-чае, благополучная.

Если б не "Свинарка и пастух" и не эта бронь — меня бы не было в живых. Мои сверстники не вернулись с войны. Это, точно, судьба.

Или в 80 лет у меня случился ин-фаркт. Вызвали "скорую помощь", и ме-ня повезли в Бурденко. Врач посмотрел и сказал, что это признаки грудной жа-бы, никакого инфаркта нет... Но меня все равно отвезли в реанимацию под ка-пельницу. На следующий день пришла ко мне жена... И вот при ней у меня случил-ся приступ — обширный инфаркт — страшная боль, такая круговая. Как буд-то тебя сжимает колесо. Я валидол глу-щу, зову врача. Пришли два молодых, по-везли меня в кабинет. Я не врач, но те-перь знаю, что при инфаркте прежде всего нужно снять боль — я человек очень терпеливый, но боль была невы-носимая. Я мокрый был от пота — се-стра стояла с полотенцем... выпирала ме-ня. Что сделали эти два молодых дура-ка? Причем подшофе — у меня ж актер-ский глаз. Они подключили меня к аппа-рату, который показывает, как проходит инфаркт, вместо того чтобы снять боль! И наблюдали за мной! Я умолял. "Сейчас-сейчас..." Наконец, они отключили ме-ня от аппарата, начали делать укол в ве-ну — не смогли попасть! И произошло кровоизлияние. Привезли в палату и так и оставили. Наверное, подумали: ну, 80 лет, умрет — скажем, возраст. Мне сунули таблетку от боли — баралгин, что ли. И вот чудом к утру боль стала от-ходить. И я выкарабкался. Поэтому я ве-рю в судьбу. ■